Материалы Международной научно-практической конференции «ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ». 30 июня 2016, г. Тула.

УДК 930.85(908)

Панин А.С.[1]

«ДОМ КРАФТА» И АПТЕКАРСКОЕ ДЕЛО В ТУЛЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

«CRAFT HOUSE» AND PHARMACIES IN TULA IN LATE XVIII — FIRST THIRD XIX CENTURY

Tula Historical and Architectural Museum

Аннотация. Автор рассматривает развитие аптечного дела в Туле в конце XVIII — первой трети XIX вв. на примере истории одной из первых аптек Тулы находившейся в «доме Крафта». Данная работа помогает лучше изучить ход реформ в нашей стране, изменение форм общественного сознания, историю аптечного дела в провинции и в целом — особенности культуры повседневности России в новое время.

Ключевые слова: Культура повседневности, аптеки, первые аптекари, российская провинция.

Abstract. The author analyzes development of the pharmacy business in Tula at the end of XVIII — the first third of the XIX century the example of the history of one of the first pharmacies in Tula is in the «house of Kraft». This work helps to better understand the progress of reforms, changing forms of social consciousness, history of pharmacy in the province and as a whole — especially Russian culture of everyday life in modern times.

Key words: Everyday culture, pharmacy, pharmacists first, the Russian province.

---

[1] Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, зав. отделом Тульского историко-архитектурного музея.

История аптечного дела в России, хотя и обладает своей собственной спецификой, во многом имеет те же особенности, что и отечественная история в целом. Так, например, как и многое другое своим появлением аптеки в России обязаны царю-реформатору Петру I Алексеевичу (1672—1725), оказавшись заимствованными с Запада в числе прочих заморских диковин.

До Петра Великого в основном лечились проверенными веками снадобьями, но после несчастного случая с московским боярином Петром Салтыковым, неожиданно скончавшегося в результате применения средств излечения, отпуск последних решено было доверить специалистам. В 1701 году великий государь издаёт указы о запрете торговать лекарственным зельем в Зелейном ряду и об открытии для подобной торговли восьми вольных аптек. История фармакопеи в России как хороший детектив начиналась с непредумышленного убийства и продолжалась как череда загадок, подчас движимая людьми удивительными: «Иные, будучи и простыми рукодельниками… представляют разные лекарства, как-то капли, балсамы, травы и прочее; другие званием и лучше первых, дают неизвестные порошки, уверяя, что всех излечат; третьи… хвалятся отвратить заразу куривами им одним известными…» [1, с. 34, 35].

Историография аптечного дела в России достаточно обширна. Однако если о развитии фармакопеи в обеих столицах — от аптеки «царского аптекаря» Даниилы Гурчина до аптеки сына «прусского подданного» Владимира Феррейна — ещё можно составить сколько-нибудь внятное представление, то, как и когда завелись аптеки и аптекари в российской провинции мы до сих пор представляем не вполне отчётливо. Между тем это довольно интересная страница истории, позволяющая лучше понять пути государственных реформ в российской глубинке, проследить изменение форм общественного сознания и повседневного быта — да и просто выявить те реалии прошлого, которые собственно и составляют основу исторического полотна, но часто остаются незамеченными.

В полном соответствии с духом детективного повествования одна из наиболее полных статей посвящённых появлению первых аптек в Туле носит название «Тайна аптекаря Крафта» [2, с. 178—180]. Однако, несмотря на то, что в статье обобщены и изучены практически все связанные с темой документы, история первых тульских аптек всё ещё содержит немало тайн и загадок. Так невозможно даже в точности сказать, когда появилась в

Туле первая аптека и кто первым стал уже не «простым рукодельником», но дипломированным аптекарем.

Считается, что первая «вольная аптека» в Туле появляется в XVIII веке, в районе Заречья, и принадлежала Ф. Шумахеру [2, с. 178]. Дом, на улице Миллионной (теперь Октябрьской) некогда вмешавший аптеку и аптекаря сохранился и даже считается объектом культурного наследия. В соответствии с данными об этом объекте в конце XVIII века у дома было два совладельца — оружейник Дементий Маликов и провизор Филипп Шумахер, «который был учредителем первой вольной аптеки в Заречье» (Охранное обязательство № 11—16…). Уже отсюда не вполне понятно, следует ли считать Ф. Шумахера учредителем первой вольной аптеки в масштабах всей Тулы или всё-таки только Заречья. Между тем можно встретить и утверждение, что «первую тульскую аптеку открыл в начале XIX века немец Карл Генцель…» [3, с. 31].

Что до вышеупомянутого аптекаря Крафта то его принадлежность к цеху немцев-аптекарей определятся на основе архивного документа. «Книга со списками домовладельцев г. Тула об оценке их имуществ и сбор налогов на 1799 г.» сообщает: «Во 2-м квартале на Киевской улице… иностранца аптекаря Константина Андреева Крафта… Дом каменный двухэтажный крыт железом обширностию в длину 7 са[женей] шир. 5 са[женей] в верхнем этаже комнат 5 в нижнем этаже комнат жилых три аптека и стряпущая изба вверху мезонин о 2-х комнатах напротив дома сени и флигель двухэтажный каменный крыт железом… в верхнем этаже комнат жилых 8 и девятая кирха в нижнем этаже лаборатория кухня кладовой чулан в половину оного подвал надворной постройки сарай и конюшня о 6 стойлах крыты тёсом… каретный сарай конюшня и анбар (?) о 8 стойлах крыты тёсом…» (ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 247 об.). Несмотря на конкретику документа неясностей немало. Например, поскольку запятые в документе никто не ставил, «аптека и стряпущая изба» явно оказываются на втором этаже а «мезонин о 2-х комнатах» соответственно помещается напротив дома, что вполне можно представить, но трудно совместить с привычными архитектурными представлениями.

Словосочетание «Дом Крафта» обозначает сохранившееся до нашего времени здание на современном проспекте Ленина (дом 25) и стало закреплённым в документах наименованием, в соответствии с охранными обязательствами на объект культурного насле-

дия — это «Жилой дом с торговым залом аптекаря К.А. Крафта, XVIII—XIX вв.» (Охранное обязательство № 37-15…).

Хотя невозможно воссоздать полноценную историю чего-либо без опоры на документы, рискнём предположить, что история тульского аптекаря Крафта, его дома и аптек в Туле окажется чуть более полной при привлечении других источников, равно как и при использовании известных сведений о градостроительстве и обустройстве домов в императорской России.

Конец XVIII столетия в России был отмечен очередными преобразованиями. В 1784 году государством была частично ограничена Петровская аптечная монополия. Указом Сената от 13 августа в Москве разрешено учреждать новые частные аптеки помимо изначально оговорённых восьми. При этом оставляя аптеки в частных руках, государство устанавливает контроль над ними с помощью законодательства. В 1789 году издаётся Аптекарский устав. Кроме прочего в уставе было чётко прописано, что к управлению аптекой допускается только специалист с фармацевтическим званием. Надзор за исполнением устава осуществляла Медицинская коллегия, ее представители обязаны были проводить систематические проверки [4, с. 125—129].

В 1775—1785 гг. в России была проведена крупная реформа гражданского управления, пересоздаются губернии и возникают наместничества. В них появляются приказы общественного призрения, что стало шагом к децентрализации управления аптечным делом, отстранению Медицинской коллегии от непосредственного руководства этими приказами, хотя она и продолжала осуществлять общее руководство фармацией в России посредством созданных в 1797 г. врачебных управ. Именно на приказы общественного призрения возлагалась обязанность заводить аптеки в городах.

При реорганизации губерний, продолженной Павлом I (1754—1801) в России начался настоящий аптекарский бум. Теперь каждая губерния должна была иметь свое такое учреждение, к концу XVIII века, несмотря на то, что аптеки остаются преимущественно частными и требуют для открытия изрядных средств, в России насчитывается около ста аптек.

Реорганизация русской провинции привела и к массовой перестройке провинциальных городов по единым утверждённым в столице планам. План губернского города Тулы, был утверждён 20 августа 1779 года. В разработке плана принимал участие известный архитектор Алексей Васильевич Квасов (1720—1777). Массовое строительство в Ту-

ле ведётся с 1780-х годов. «С открытия Губернии город начал выстраиваться по утверждённому плану и разделён на две главные части…» [5, с. 71].

Реализацию плана сильно облегчили два пожара (1779 и 1781 гг.), освободившие место под застройку и создавшие стимул к скорейшей постройке жилья. «Тулу легко было перестраивать по новому регулярному плану после опустошительных пожаров. Оставшиеся целыми дома безжалостно сносились, если они стояли не на «красной линии», улицы спрямлялись, возводились новые кварталы…» [6, с. 18].

Перестройка Тулы вполне удалась. Как отмечали современники, теперь «вся почти перспектива, которою проходит сквозь город большая Киевская дорога из Москвы, по обе стороны застроена каменными домами по новой архитектуре. Вообще в Туле — каменных домов 153…» [5, с. 70].

К 1799 году «во 2-м квартале на Киевской улице» стояли только что построенные за казённый счёт дома «по новой архитектуре». Дома могли строиться и обустраиваться и на личные средства, но к концу XVIII века иногда ещё оставались незавершёнными. Так стоящий в том же 2-м квартале по Киевской улице дом князя Касаткина-Ростовского «каменный трёхэтажный крыт железом обширностию длину 9 са[женей] шир. 5 са[женей]» оставался при «трёх этажах неотделанных», где только приблизительно «должно пологать 19 комнат…» (ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 247 об.).

Дому «иностранца аптекаря» Константина Андреева Крафта повезло больше княжеского — быстро обзаведясь «стряпущей избой», аптекой и кирхой, он сохраняет их вплоть до следующего погромного тульского пожара. «Пожар 5 сентября 1834 г. уничтожил имущество, церковную утварь, фармацевтическую продукцию… В описи недвижимого имущества сказано: в верхнем этаже флигеля 8 комнат неотделанных [не отремонтированных] и кирка, в нижнем этаже “лабатория”» [2, с. 178].

Дозволения «исправить» каменный дом у Тульской губернской строительной комиссии в феврале 1835 г. просит уже «иностранец аптекарь» Карл Егоров сын Генцельта. В своём прошении он сообщает: «…дом мой состоящий в городе Туле 1-й части в 22 квартале на Киевской улице во время пожара прошлого 1834-го года сентября 5-го числа обгорел, который имею надобность отделать…». К прошению аптекарь прилагает два чертежа фасадов дома «как старого начальством утвержденного, так и вновь составленного на исправление обгоревшего моего дома» (ГАТО. Ф. 1793. Оп. 1. Т. 1. Д. 598. Л. 1а, 1а об.).

По всей видимости «вновь составленный» чертёж фасада был одобрен и возвращён аптекарю для руководства в «обделке» дома. В деле же остался фасад старый, прежним «начальством утвержденный». Рисунок фасада отчётливо позволяет разглядеть вывеску над парадным крыльцом дома с наполовину стёртой надписью «Аптека». Судя по сопроводительным надписям на чертеже «сей фасад» был дан «для надстройки в три окна каменного мезонина в городе Туле градской части в 1-м квартале под № 16-ым губернскому секретарю Фёдору Васильеву сыну Лейкгеру июня… дня 1819 года…» (ГАТО. Ф. 1793. Оп. 1. Т. 1. Д. 598. Л. 3 об., 4).

Адрес дома имеет некоторые разночтения, однако сохранившийся чертёж фасада позволяет утверждать, что и Крафт, и Лейкгер и Генцельт последовательно владели одним и тем же домом. Фасад «дома Крафта» и спустя двести лет с лишним имеет характерные признаки одного из тех каменных домов«по новой архитектуре», которыми в спешном порядке застраивали «большую Киевскую дорогу из Москвы» в конце «золотого века» императрицы Екатерины II (1729—1796).

Калужский, Тульский и Рязанский генерал-губернатор Михайло Никитич Кречетников (1729—1793) ея императорскому величеству о своих успехах в обустройстве губернского города Тулы сообщал следующее: «немалолюдное же число жителей в каждом доме сего города было поводом мне поделить из оных градскую на три, Оружейную сторону на две, и из Чулковской слободы составить одну часть, а весь вообще город на 6 частей и 35 кварталов…» (Журнал реляций к ея императорскому Величеству.., с. 5). Многие кварталы возникали заново. «Отменно украшают город построенные на большой… Киевской дороге.., по обе стороны не в дальности от Киевских ворот два великолепные каменные в два жилья [т. е. этажа] квартала, помещающие в себя все присутственные места Губернского города и казначейство. Самые триумфальные Киевские ворота удовлетворяют вкусу и своею на обе стороны внутрь города простирающуюся колоннадою и площадью, обнесённою красивыми каменными домами…» [5, с. 71].

План губернского города Тулы, утверждённый 20 августа 1779 года, дополнялся разработанными еще в 1770-х годах в Комиссии каменного строения обязательными к применению типами так называемых «образцовых» фасадов. Известно, что наиболее употребительных типов было пять, они так и именовались под соответствующими номерами: № 1, № 2 и т. д.

«Дом Крафта» во многом соответствует типовым «красивым каменным домам». Интересно, что хотя некий мезонин в две комнаты упоминается уже в 1799 году, Лейкгеру вполне возможно действительно пришлось надстраивать дом, первым внося изменения в облик здания. «Мезонином» изначально назывался дополнительный верхний этаж неполной высоты, который позже получил название «антресоли». «Обязательные фасады» допускали вариативные изменения в каждом отдельном городе и иногда предполагали дальнейшую надстройку. Но в целом сохранившийся чертёж фасада дома Крафта-Лейкгера-Генцельта, при исключении «в три окна каменного мезонина», позволяет в полной мере представить типовой каменный дом последней трети XVIII столетия.

Восстановить вовсе не типовую историю этого дома, связанного только за неполные сорок лет с тремя владельцами, сложнее. При отсутствии необходимых для полноценного исследования документов любые предположения могут рассматриваться только в качестве гипотетических.

Можно предположить следующее. При постройке новых кварталов вдоль «большой Киевской дороги из Москвы» аптека предполагалась. Поскольку в губернском городе Туле было две основных части, вероятно, аптек должно было быть не менее двух. Именно две «вольные аптеки каменные» упоминаются в числе общих городских строений в 1803 году [5, с. 72]. Одна из них, как мы знаем, находилась в Заречье, «на оружейной стороне» и принадлежала провизору Ф. Шумахеру. Вторая аптека вполне могла находиться «в градской части», в одном из вновь построенных вдоль Киевской дороге каменных кварталов. Здесь как мы знаем, проживал «иностранец аптекарь» Константин Крафт. Однако в это время Крафт не мог быть владельцем «вольной аптеки».

В 1830-е годы Константин Крафт называется гезелем (должность помощника аптекаря или врача) (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10538. Л. 1—4). Нет никаких оснований считать, что в более молодые годы Константин Андреевич мог иметь более высокое звание провизора или аптекаря. Правда, именно аптекарем он назван в «Книге со списками домовладельцев»1799 года — но, как мы видели, документ допускает разночтения, если не соглашаться с размещением аптеки вместе с кухней на втором этаже.

После принятия Аптекарского устава в 1789 году к управлению аптекой допускался аптекарь, имевший фармацевтическое звание. Чтобы получить только звание гезеля ученик аптекаря должен был несколько лет изучать основы фармации. С 1799 года звание

гезеля получали, сдав экзамен в Аптечной управе. Существовала практика, когда после экзамена гезели направлялись в полевые аптеки на несколько лет, чтобы приготовиться к экзамену на степень провизора.

Полевые аптеки в XVIII веке входили в число казённых и открывались в местах сосредоточения войск. Все органы медицинского снабжения в русской армии носили наименования аптек, хотя по роду выполняемых ими функций в большинстве своём соответствовали аптечным складам (по современной терминологии) [7]. Согласно регламенту 1736 г., при каждой полевой аптеке в мирное время находились аптекарь, гезель, ученик, писарь, вагенмейстер, 6 фурлетов (кучеров). При аптеке полагалось также иметь 4 лошади. В военное время штат аптеки увеличивается на одного гезеля и на несколько лошадей (Полевые аптеки в России…). Гезель вполне мог и управлять казённой аптекой, в особенности, если такая аптека предназначалась только для снабжения медикаментами воинских частей. Именно «поспешнейшему снабдению войск» (конечно, прежде всего, оружием и провиантом) уделяет внимание генерал-губернатор М.Н. Кречетников (Журнал реляций к ея императорскому Величеству.., с. 19, 20).

Косвенно мнение о существовании рядом с Киевской дорогой казённой аптеки, предназначенной для снабжения проходящих войск, подтверждает размещение в отдельных домах здесь же и штаб-лекаря и лекарского ученика, в доме которого кроме прочего находились некие магазины — то есть склады.

В документах говорится, что во 2-м квартале по Киевской улице «лекарского ученика Ивана Матвеева Энгеля в 1 классе …дом каменный одноэтажный крыт железом обширностию в длину 5са[женей] ширину 1 са[женей] в оном комнат жилых 3 вверху магазин о двух комнатах под оным подвал на улицу три лавки отдельных от дома крыты тёсом… каменный флигель двухэтажный на дворе крыт железом… в верхнем этаже комнат 3 и в нижнем стряпущая изба особая изба людская…» (ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 249 об.).

Там же во втором квартале на Киевской улице «штаб лекаря Василия Андреева сына Левицкого во 2 классе …дом деревянный крыт тёсом… в нём комнат 7 при оном пристройка деревянная крыта тёсом…» (ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 295 об.). Следует отметить, что штаб-лекарь в российской армии XVIII — первой половины XIX вв. — это военное звание старшего (полкового) врача или врач в этом звании.

Также всё на той же Киевской улице в 1-й городской части всоответствии с «Книгой со списками домовладельцев г. Тула» в 1799 году существовала, казенная аптека провизора В.И. Линка. Уже отсюда можно заключить, что именно «казенные аптеки размещались на большой Киевской улице» [2, с. 178].

Таким образом, вполне вероятно, что предназначавшееся под вольную (то есть допускавшую частную торговлю медикаментами) аптеку здание изначально было отдано под аптеку казённую, например, ввиду нехватки квалифицированных специалистов. В силу того, что Крафт остаётся гезелем и в 1830-е годы, мы можем предположить, что до этого времени провизором он так и не стал, и аптека в начале XIX века перешла в другие руки именно по этой причине.

Владельцем дома и аптеки мог стать Ф.В. Лейкгер. Сохранилось несколько формулярных списков, на основании которых достаточно полно можно представить биографию тульского губернского секретаря Фёдора Васильевича Лейкгера. Дальше мы будем называть его так, хотя в сохранившихся архивных документах его фамилия обозначается довольно разнообразно (Лейгкер, Лейкер, Лийкер).

Первоначально его фамилия могла иметь и другое написание, поскольку Фёдор Васильевич являлся «урожденцем» славного города Данцига. Судя по всему родившийся в 1772 году, он вступил в российское подданство и удостоился «по экзамену» гезеля в ноябре 1792 года. Уже через два года, в 1794 г., молодой человек стал провизором, что позволяло ему делать аптечную карьеру, чем он и воспользовался — в 1806 году устраивает вольную аптеку в доме, принадлежащем Приказу общественного призрения. В 1808 году «по сведению и способностям в науках» он «удостоен по экзамену аптекарем». В 1813 году был представлен к награждению и получил чин губернского секретаря. В 1818 году Лейкгер «перемещает» свою вольную аптеку из дома, принадлежавшего Приказу общественного призрения в собственный дом. По видимому именно к этому дому в 1819 году он делает пристройку-мезонин.

Мы можем предположить, что выше во всех случаях речь идёт об одном и том же доме. Кратко излагая свою биографию в письме Великому государю императору Николаю Павловичу (1796—1855), Фёдор Лейкгер буквально пишет следующее «переместил означенную аптеку в мой дом» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2346. Л. 14). Это можно понять и как указание на то, что дом с аптекой стал принадлежать Лейкгеру. Интересно, что с 1808

года содержит вольную аптеку провизор Линк (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2346. Л. 1). Мы знаем, что его аптека всё время располагалась на одном и том же месте, в ныне снесённом квартале в центре Тулы, считаясь казённой в 1799 году. Если Лейкгер открывает свою вольную аптеку практически одновременно с Линком, в 1806 году то возможно и располагалась эта аптека также на одном месте и в одном доме — то есть в данном случае в «доме Крафта».

Кроме прочего в документах можно встретить упоминание, что Лейкгер «в 1804 и 1808 годах отпускал… безденежно медикаменты для Егерского полка…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2346. Л. 4). Если это не ошибка, то, получается, что у Лейкгера была возможность «безденежно» снабжать военные части ещё до открытия собственной вольной аптеки. Это возможно, если он занимал значимую должность в уже действующей аптеке — аптеке, которую по документам в 1799 году содержал гезель Крафт и которая как мы предположили, прежде всего, была предназначена для снабжения воинских частей.

В точности сказать, почему именно Константин Крафт оказался первым владельцем дома своего имени теперь уже невозможно. Видимо немалую роль сыграло его немецкое происхождение. «Только в 1786 в Россию из Германии прибыли 24 врача. Немецкое руководство Медицинской канцелярии определяло кадровый состав, производило аттестацию приезжающих врачей и аптекарей. Немцы стояли у основ организации медицинского дела в России, создания аптек и госпиталей…» [3, с. 31]. Константин Андреевич вполне мог быть одним из приехавших в качестве «лекарского ученика» — таковых, кстати, тоже именовали гезелями. Вполне вероятно, что у него были знатные покровители в Туле. «Первым тульским губернатором из немцев был Николай Давидович Граве… Граве… был назначен губернатором в Тулу 27 ноября 1798. Должность исполнял до 15 июля 1800…» [3, с. 19]. Могли быть у «иностранца аптекаря» и покровители или даже влиятельные родственники в столицах, — недаром офицеров направленных из Санкт-Петербурга в Тулу «для изыскания средств к соединению Дона с Окою» возглавлял некий инженер-капитан Крафт (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 4. Д. 3970. Л. 1).

Во многом назначение именно К. А. Крафта на должность тульского аптекаря, могло объясняться теми ведомственными положениями и отношениями, о которых мы теперь можем только смутно догадываться. Положение аптекаря в Туле определялось гражданскими властями, военным ведомством, приказом общественного призрения и врачебной управой. Это имело и свои плюсы, и свои минусы.

Так Фёдор Лейкгер «по представлению Тульского приказа общественного призрения… по именному императорскому Величества указу Всемилостивейше награждён губернским секретарём 1831 декабря 31» (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 3. Д. 2346. Л. 23). Тульская врачебная управа хлопочет о награждении губернского секретаря Лейкгера в 1824 году. «Имея в виду, что тульской вольной аптеки аптекарь губернский секретарь Фёдор Лейкер при заведении с 1806-го года под ведомством Тульского приказа общественного призрения аптеки нанял под оную на шесть лет, собственно принадлежащий приказу дом с платою 750 [рублей] в год, пожертвовав в пользу Тульского воспитательного дома и Александровского военного дворянского училища медикаментов каждогодно по 200 [рублей], да с отпускаемых в пользу… приказа общественного призрения… уступал по 18-ти процентов с рубля… И ныне он Лейкир уступку процентов продолжает…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2346. Л. 3, 3 об.). Губернский секретарь рассчитывал на орден Св. Анны или на повышение, но получил ценный подарок — бриллиантовый перстень с топазом. Тульская врачебная управа сыграла в этом роль, донося Тульскому гражданскому губернатору, что «он Лейгкер — отлично усерден и примерно старателен в отправлении своей обязанности…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2346. Л. 13). Такое представление, напоминающее партийную характеристику, по-видимому, играло немалую роль, но часто оказывалось недостаточным.

Так, ратуя в том же 1824 году о награждении аптекаря Линка чином титулярного советника, Тульская врачебная управа давала ему самую лестную характеристику. Отмечалось, что в течение шестнадцати лет содержания аптеки провизором Линком «когда во всякий месяц бывает свидетельствование членами управы», то «аптека содержится с отличной чистотой и рачением, наилучшим порядком» (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 3. Д. 2344. Л. 1). Здесь в заслугу Линку ставилось то, что по поручению управы он проводил «химические исследования», которые он «исполнял и ныне исполняет с наивозможной аккуратностью и открывал беспристрастно истину без всякого какого либо вознаграждения», и «человеколюбивая его помощь бедным и неимущим всякого рода звания людям», и то, что в 1812 и 1813 гг. Линк «нередко проходящих раненных всяких чинов снабжал нужными на пути их медикаментами безвозмездно…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2344. Л. 1, 1 об.). Однако ни чина, ни даже бриллиантового перстня Линк так и не получил.

Разнообразные безвозмездные пожертвования и скидки для содержателей вольных аптек считались практически нормой и подчас серьёзно угрожали доходу аптекарей. Так,

оказывая помощь медикаментами во время эпидемии холеры, и Линк и содержащий на тот момент вольную аптеку Крафт делали значительную скидку на лекарства. В прошении К. Крафта губернатору Е. Штадену от 18 июля 1832 г. можно прочесть: «По предписаниям Тульской врачебной управы по рецептам г[оспод] медицинских чиновников в г. Туле, последовавших в конце 1830 и в течение 1831 годов, были отпущены из содержимой мною аптеки во временные больницы разных лекарств для лечения больных холерою в г. Туле и аптечные материалы на предмет прекращения и отвращения болезней по Тульской губернии. За все оные лекарства следовало мне получить суммы по существующей таксе 1320 руб. Я из усердия своего пожертвовал в пользу казны 25 копеек с каждого рубля, т. е. 330 руб.» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10538. Л. 1, 2). В июне 1833 г. главный начальник пажеского корпуса, всех сухопутных кадетских корпусов и дворянского полка, направил на имя Тульского гражданского губернатора благодарственное письмо и сообщение о монаршей милости: награждении «фармацевтиков» города Тулы за жертвуемые ими ежегодно медикаменты. Крафт получил из кабинета Его Величества денежное вознаграждение в сумме 500 рублей, а Линк — 400 рублей (ГАТО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 330. Л. 1, 1 об.).

Здесь можно видеть продолжение сложившейся практики «добровольных» пожертвований, однако для того же Крафта такое ведение аптечного дела явно становилось разорительным. В 1832 году он просит Тульскую палату компенсировать издержки, понесённые во «время свирепствования в Туле болезни холеры». «В конце 1830 и в течение 1831-го года были отпущены из содержимой мною аптеки… разные лекарства для лечения больных холерою… я выписываю из столицы аптечные материалы… через долгое неполучение суммы лишаюсь ожидаемой выгоды… несу в настоящее время ощутимый убыток…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10538. Л. 1, 2).

При перманентном риске лишится ожидаемой прибыли, для аптечного дела в Туле важной и даже необходимой оказывалась поддержка единоплеменников и единоверцев. На всём протяжении функционирования аптеки в «доме Крафта» здесь сохраняется лютеранская кирха (кирка). «Кирка могла быть в доме лица добропорядочного, близкого к официальным кругам… Кирка находилась в доме с аптекой до середины XIX в.» [2, с. 178, 179]. На основании сохранившихся списков жертвователей за 1832 г., можно говорить, что г-н Крафт входил в состав тульской лютеранской общины (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 5.

Л. 10 об.). Также добрыми прихожанами Тульской евангелическо-лютеранской церкви (ТЕЛЦ) были и Генцельт, и Лейкгер.

В июне 1827 года Министру народного просвещения и главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий было подано прошение «трёх лиц называющих себя церковными старшинами Евангелических приходов в разных городах и в том числе церковного старшины в Туле губернского секретаря Лейкгера о назначении избранному ими пастору Седергольму [Зедергольму], а по смерти его каждому исправляющему сию должность жалования дивизионному проповеднику положенного…» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 4. Д. 3970. Л. 1). В ходе последовавшего разбирательства было доподлинно выяснено, что в Туле существует лютеранский приход и что Фёдор Лейкгер является его церковным старшиной на вполне законных основаниях.

Лейкгер был человеком состоятельным и влиятельным, в 1828 году ему уже 56 лет, он вдов, у него три дочери, одна из которых замужем (вполне возможно, что за гезелем Крафтом). Кроме дочерей в его доме с аптекой проживало ещё десять душ, в числе которых кроме прочих могли быть и лица, входившие в штат аптеки и являвшиеся прихожанами кирхи. Судя по возрасту и отсутствию упоминаний о губернском секретаре и аптекаре Фёдоре Васильевиче Лейкгере после 1830 года, в этом году он вероятно скончался — вскоре после того как государь император 31 марта 1830 года высочайше повелеть соизволил наградить его подарком.

«Сохранилось дело о приобретении в декабре 1830 г. провизором Богданом Ивановичем Панке аптеки Ф. В. Лейкера. Доверенным лицом Панке являлся гезель К. Крафт…» [2, с. 179]. Последний документ о Константине Крафте в Туле датируется июнем 1833 г. Это акт обследования комиссией в составе представителей врачебной управы аптек провизоров Линка и Крафта: комиссия отметила порядок и чистоту (ГАТО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 330. Л. 2—4). В 1834 году дом принадлежит уже аптекарю Генцельту (он же Генцель). На Димитровском (Чулковском) кладбище Тулы сохранилось его захоронение на участке, изначально отводившемся для погребения лютеран. В соответствии с текстом надгробия аптекарь Карл Егорович Генцельт родился 30 августа 1802 года и скончался 29 мая 1846 года. Вполне возможно, что рядом покоится и Константин Андреевич Крафт, однако в настоящее время его захоронение неизвестно и уточнить хотя бы даты жизни этого человека не представляется возможным.

Можно попробовать реконструировать историю дома его имени, с необходимыми оговорками о том, что пока не будут выявлены все необходимые документы, эта часть городской истории Тулы останется только реконструкцией.

После перестройки Тулы по новому генплану в конце XVIII века в двух каменных домах вдоль Киевской дороги (впоследствии улицы) размещаются две аптеки. Каждое из двух зданий изначально располагает местом для достаточно большого штата, аптечным помещением, лабораторией. Лаборатория в аптеке была прогрессивным новшеством притом, что лекарства закупались в столицах, лаборатория предназначалась, прежде всего, для химических опытов. Тем не менее, здесь, где впоследствии будут «вольные аптеки» Линка и Крафта изначально действуют аптеки казённые. Возможно дело даже не в отсутствии квалифицированных специалистов — построенные за казённый счёт здания требовалось окупить. Спустя какое-то время эти два дома передаются в ведение Тульского приказа общественного призрения, разрешающего арендовать их Линку и уже Лейкгеру под частные «вольные аптеки». Лейкгер, судя по всему, в отличие от Крафта смог благополучно сдать экзамены сначала на провизора, а потом и на аптекаря. Однако возможно Крафт продолжал службу всё в той же аптеке на низовых должностях, оставаясь при этом человеком близким к новому владельцу. Именно поэтому после вероятной смерти Лейкгера в 1830 году он вступает во владение аптекой. Так как в виду отсутствия фармацевтического образования формально аптекой управлять он не мог, Крафт выступает только как «доверенное лицо» провизора Богдана Панке. Чтобы сохранить аптеку за собой ему необходимо срочно сдать экзамен — и он его действительно сдаёт, в январе 1833 года Константин Андреевич Крафт удостаивается звания аптечного провизора (ГАТО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 293. Л. 2, 3). Как мы знаем, в 1834 году аптека принадлежит уже Генцельту — это можно объяснить возрастом, в котором Крафт стал провизором. Начиная аптекарскую карьеру в лихие 1790-е годы, Константин Андреевич вполне мог окончить свои дни вскоре после благополучной сдачи экзамена. Как минимум до 1846 года «дом Крафта» принадлежал уже Генцельту.

Даже из этого беглого очерка мы можем сделать вывод, что быть немцем-аптекарем в Туле в конце XVIII — первой трети XIX вв. было непросто. Человеку, желающему открыть одну из ста вольных аптек в российской провинции, требовались связи среди высокопоставленных чиновников, поддержка влиятельных друзей — лучше всего сплочённой по национальным или религиозным интересам группы, умение разбираться в

хитросплетениях российской бюрократии и немалый расходный капитал. Ну и если уж он несмотря ни на что решался заняться аптечным делом, ему требовалось и некоторое аптечное образование. При экзаменах на гезеля ученик должен был показать, что он «умеет гнать воды и олеи, делать экстракты, и соли, соки и полевые травы, которые официальными называются, сушить и ощипывать, и малое число по латыни читать и писать и коликое число рисовать» [8]. Неудивительно, что благодарные потомки называли в честь такого человека дом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Охранное обязательство № 11-16 собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации «Жилой дом, XVIII в.». Режим доступа: http://okn.tularegion.ru/netcat_files/19421/23166/h_692a6c592959ceb36be847816f601052 (доступен на 12.04. 2016 г.).

2. Охранное обязательство № 37-15 собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации «Жилой дом с торговым залом аптекаря К.А. Крафта, XVIII—XIX вв.». Режим доступа: http://okn.tularegion.ru/netcat_files/18380/22043/h_c073aa7231db3bb9b730371f56fb3f53 (доступен на 12.04. 2016 г.)

3. Государственный архив тульской области (ГАТО). ГАТО Ф. 518. Оп.1. Т. 1. Д. 140.

4. ГАТО Ф. 1793. Оп.1. Т. 1. Д. 598.

5. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10538.

6. ГАТО Ф. 90. Оп.1. Т. 3. Д. 2346.

7. ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 2344.

8. ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т.4. Д. 3970.

9. ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 5.

10. ГАТО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 330.

11. ГАТО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 293.

12. Журнал реляций к ея императорскому Величеству Калужского, Тульскаго и Рязанскаго генерал-губернатора Михайла Никитича Кречетникова, в 1782—1787 годах. М., 1863.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шафонский А. Описание Моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. СПб., 1787.

2. Дзиговская Л.Н. Тайна тульского аптекаря Крафта // Тульский краеведческий альманах. Вып. 11. Тула, 2014.

3. Немцы Тульского края: страницы биографий / сост. О.А. Князева, М.В. Майоров. Тула, 2007.

4. Коротеева Н.Н. Аптечное дело в России в XVIII — начале XX вв. // Вопросы истории. 2008. № 2.

5. Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. / Предисл. и примеч. В.И. Крутикова; послесл., библ. В.А. Левшина, Г.П. Присенко. Тула, 2006.

6. Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта тульской губернии XVIII — первой половины XIX вв. Тула, 1993.

7. Семека С.А. Медицинское обеспечение русской армии во время семилетней войны 1756 — 1769 гг. [Очерки истории военной медицины в России. Т. IV.]. М., 1951.

8. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. М., 2010. Режим доступа: http://supotnitskiy.ru/book/book7-3.htm (доступен на 12.05.2016 г.).

REFERENCES

1. SHafonskij A. Opisanie Morovoj jazvy, byvshej v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god, s prilozheniem vseh dlja prekrashhenija onoj togda ustanovlennyh uchre-zhdenij. SPb., 1787.

2. Dzigovskaja L.N. Tajna tul'skogo aptekarja Krafta // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. Vyp. 11. Tula, 2014.

3. Nemcy Tul'skogo kraja: stranicy biografij / sost. O.A. Knjazeva, M.V. Majo-rov. Tula, 2007.

4. Koroteeva N.N. Aptechnoe delo v Rossii v XVIII — nachale XX vv. // Voprosy istorii. 2008. № 2.

5. Levshin V.A. Topograficheskoe opisanie Tul'skoj gubernii. 1803 god. / Pre-disl. i primech. V.I. Krutikova; poslesl., bibl. V.A. Levshina, G.P. Prisenko. Tula, 2006.

6. Glagoleva O.E. Russkaja provincial'naja starina. Ocherki kul'tury i byta tul'-skoj gubernii XVIII — pervoj poloviny XIX vv. Tula, 1993.

7. Semeka S.A. Medicinskoe obespechenie russkoj armii vo vremja semiletnej vojny 1756 — 1769 gg. [Ocherki istorii voennoj mediciny v Rossii. T. IV.]. M., 1951.

8. Skorohodov L. JA. Kratkij ocherk istorii russkoj mediciny. M., 2010. Rezhim dostupa: http://supotnitskiy.ru/book/book7-3.htm (dostupen na 12.05.2016 g.).